

Можно сделать вывод о том, что для достижения эквивалентности переводчик чаще всего использует такие трансформации, как опущение (17%), добавление (14%), целостное переосмысление (6%), замена (15%), синтаксическая трансформация (13%) и конкретизация (10%). Несколько реже используются членение предложений (2%), компенсация (1%), объединение предложений (4%), абсолютный эквивалент (1%), антонимический перевод (3%). Генерализация встречается в 7% случаев, как и перестановка (6%).

Перевод названий и диалоговой речи английских кинофильмов – обширная сфера деятельности переводчика. Ведь здесь, как и при переводе литературы различных жанров, используются и переводческие трансформации, и сноровка, и общие знания переводчика, его эрудиция. Особый интерес представляет анализ перевода названий, а также диалоговой речи.

МОТИВЫ ЭККЛЕСИАСТА В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ»

Н. Л. Одинокина

Тема дисгармонии мира, иллюзорности земного бытия как контрапункт проходит через всю эпоху декаданса и наиболее полно раскрывается в малых формах, способных передать и уловить настроения времени. Писатели и поэты стремились отразить сложность окружающей их действительности, но в то же время найти в ней гармонию и смысл, упорядочить хаос, определить место человека и его предназначение. Посвоему переосмысливает ответы на эти вечные вопросы А. П. Чехов. Размышляя над смыслом жизни и смерти, А. П. Чехов вплетает мотивы Экклесиаста в свое творчество. Он поднимает такие экклесиастические темы, как предназначение человека, бренность всего сущего, быстротечность времени, проблема теодицеи, непостижимость Бога и мироздания. Мы обратимся к повести «Скучная история» (1889 г.) с подзаголовком «Из записок старого человека». Предчувствуя скорую смерть, ученый и медик Николай Степанович такой-то переосмысливает прожитую жизнь. Он добился того, о чем мечтал: «Тридцать лет я был любимым профессором, имел превосходных товарищей, пользовался почетной известностью. Я любил, женился по страстной любви, имел детей... Теперь мне остается только не испортить финала. Для этого надо умереть по-человечески» [1, с.300]. Но от чего же тогда появляются «...новые мысли, каких не знал я раньше, которые отравляют последние дни моей жизни» [1, с.279], – размышляет герой. Ситуация осмысления прожитых лет в конце жизни дает возможность провести параллели между главным героем и Экклесиастом: «Видел я все дела, что делаются под солнцем, // И

вот – всё это тщета и ловля ветра» (Еккл 1:14; здесь и далее перевод И. Дьяконова) [2, с.639].

На протяжении всей повести мы видим два временных плана: «тридцать-сорок лет назад» и «сейчас». Сравнивая их, Николай Степанович, как и Экклесиаст, подвергает анализу все основные этапы и устремления человека. Конечно, главный герой выделяет наиболее важные для него: наука, семья, дружба, положение в обществе, слава и почет. Самым главным для Николая Степановича является наука: «Судьбы костного мозга интересуют меня больше, чем конечная цель мироздания» [1, с.278], – говорит он в начале повести, но каков же итог его страсти? «Теперь же на лекциях я испытываю одно лишь мучение» [1, с.278]. Нет ни помощников, ни великих учеников, ни наследников. Только бессонница преследует нашего героя. Он, доктор медицины, не может помочь себе – излечить смертельную болезнь, от которой угасает, не может, подобно другим больным, тешить себя пустыми надеждами на выздоровление. Разве не об этом Экклесиаст говорит: «Ибо от многой мудрости много скорби, // и умножающий знанье умножает печаль» (Еккл 1:18) [2, с.639]?

Неблагодарно отзывается Николай Степанович также о ненужных книгах и диссертациях, которые пишут бесталанные научные деятели: «Напишет под моим наблюдением никому не нужную диссертацию, с достоинством выдержит скучный диспут и получит ненужную ему ученую степень» [1, с.283]. Более двух тысяч лет назад, Экклесиаст наставлял: «Много книг составлять – конца не будет, // И много читать – утомительно для плоти» (Еккл 12:12) [2, с.652].

Если говорить словами Экклесиаста, то для чеховского героя временной отрезок «30–40 лет назад» можно охарактеризовать так: «Ни в чем, что очи мои просили, // я не отказывал им, // Ни от какой я радости не удерживал сердце: // Ибо ликовало мое сердце из-за моих трудов, – // Ведь была мне вся эта доля из-за моих трудов!» (Еккл 2:10) [2, с.639]. А «сейчас» характеризуют строки: «Но оглянулся я на дела, что сделали мои руки, // И на труды, над чем я трудился, – // И вот, всё – тщета и ловля ветра, // И нет в том пользы под солнцем!» (Еккл 2:11) [2, с.640].

В повести отмечены лишь изменения в восприятии личной жизни героя, а не социальные изменения: «театр не стал лучше, чем он был 30 – 40 лет назад», «нынешние студенты не лучше и не хуже прежних». Здесь звучат экклесиастические мотивы циклического возвращения и повторения всего: «Что было, то и будет, и что творилось, то творится, // И нет ничего нового под солнцем» (Еккл 1:9) [2, с.638].

Но если нельзя разорвать этот замкнутый круг повторений, то, в чем человек может обрести опору? Если нет ничего нового под солнцем то,

как человек может выделить свое существование из тысячи подобных? Имя сохранит о тебе память в веках, слава спасет тебя от забвения. Подобно Экклесиасту, который «стал велик более всех, кто был до него в Иерусалиме» (Еккл 2:9) [2, с.639], создал себе имя и Николай Степанович: «С моим именем связано понятие о человеке знаменитом, богато одаренном и, несомненно, полезном» [1, с.267]. Но смерть уравнивает всех. Во второй главе Книги Экклесиаста мы читаем: «Ибо вместе с глупцом и о мудром вовек не вспомнят. // Потому что в грядущие дни все будет давно забыто, – // Как же это мудрый должен равно с глупцом умирать?» (Еккл 2:16) [2, с.640].

Эти размышления Экклесиаста близки главному герою. Оставшись один в харьковской гостинице, уставший от дороги и семейных неурядиц, спрашивает он себя: «В чем же выражается исключительность моего положения? Допустим, что я знаменит тысячу раз, что я герой, которым гордится моя родина; но все это не мешает мне умереть на чужой кровати, в тоске, в совершенном одиночестве...» [1, с.323]. Пока он был здоров, подобные вопросы не приходили ему в голову, он ощущал себя «королем», и всю жизнь руководствовался своим «сводом правил»: «Я никогда не судил, был снисходителен, охотно прощал всех направо и налево. Где другие протестовали и возмущались, там я только советовал и убеждал. Всю свою жизнь я старался только о том, чтобы мое общество было выносимо для семьи, студентов, товарищей, для прислуги» [1, с.297]. Но болезнь пошатнула его мироощущение, его свод правил, заставила почувствовать себя «рабом» и ощутить весь комплекс низменных чувств: «Я ненавижу, и презираю, и негодную, и возмущаюсь, и боюсь» [1, с.298].

Лишь испытав страдание, Николай Степанович задумывается над вопросами бытия, ищет смысл, «экзаменует» себя. Точно так же, как Соломон, имея мудрость, все же сомневался и искал смысл существования, так и Николай Степанович осознает, что ума и учености недостаточно, чтобы познать богатство и многогранность жизни. Чехов показывает противоречие между книжной мудростью и непознаваемостью мира. Сходный мотив мы обнаруживаем и в Книге Экклесиаста: «Посмотри на деяния Бога, // Ибо кто может расправить, что Он искривил?» (Еккл 7:13) [2, с.46].

Важное значение для понимания настроения, финала и общего смысла повести имеет V глава – «воробьиная ночь», когда все герои ощущают особую тревогу, страх, предчувствие смерти. Можно предположить, что так все ощутили «присутствие» Бога. Некое метафизическое действие произошло в душах героев. Мы ждем, что вот-вот что-то случится, но

ничего не происходит, жизнь идет дальше, оставляя каждого в своем одиночестве. «Финальные слова повести: «Прощай, мое сокровище!» [1, с.327] обращены к приемной дочери Кате, которая не слышит этих слов. Исследователь Анатолий Собенников считает, что «здесь происходит прорыв из тотального одиночества к людям, от ужаса смерти к жизни, от жалости к себе к жалости к другому. Это та самая мудрость, в которой много печали. И не важно, что на пороге смерти слово, обращенное к другому, не услышано им (Катя ушла не оглянувшись). Главное – оно прозвучало, оно найдено героем для себя, найдено в данный момент, в данном месте» [3]. На наш взгляд, все герои остаются в своем тотальном, экзистенциальном одиночестве. Катя и Николай Степанович, близкие люди, не спасают друг друга. Оба они, по сути, находятся в одном состоянии – разочарования в жизни и поиске нового смысла. Только Николай Степанович осознает тщетность всего на пороге смерти, а Катя, молодая девушка (ей около 25 лет), ощутила эту пресыщенность жизнью и тоску по ней в расцвете сил. «Отсутствие того, что товарищи философы называют общей идеей, я заметил в себе только незадолго перед смертью, на закате своих дней, а ведь душа этой бедняжки не знала, и не будет знать приюта всю жизнь!» [1, с.327], – говорит герой, оставшись один.

Следует учесть, что Чехов творил в особую эпоху – эпоху декаданса, эпоху ломки и крушения прежних идеалов. И если Экклесиаст видит выход из замкнутого круга тщетности нашей жизни в наполнении смыслом каждого мгновения, в религии, в обращении к Богу, то герои Чехова уже теряют эту опору и остаются наедине с собой, в тотальном, экзистенциальном одиночестве. Для героев Чехова это попытка разобраться в жизни и в себе, которую рано или поздно делает любой человек. Перед каждым поколением встают вопросы, которые еще более двух тысяч лет назад задал Экклесиаст.

Литературы

1. Чехов А. П. Скучная история. Из записок старого человека / А. П. Чехов. Собр. соч.: в 12 т. Т. 6 Повести и рассказы 1888 – 1891. М., 1955. с.266 – 327.
2. Книга Экклесиаст / Пер. И. М. Дьяконова // Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. с.638-652.
3. Собенников А. «Скучная история». Диалог с Экклесиастом / А. Собенников // http://palomnic.org/bibl_lit/obzor/chehov_/sobennikov/1/